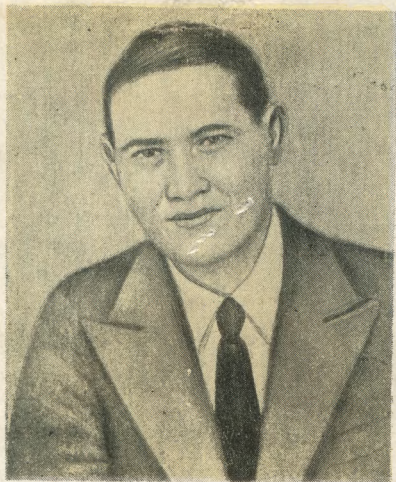

С (Башк)
Х 20

Библиотечка башкирской поэзии

МАЛИХ
ХАРИС

М А Л И Х
Х А Р И С

С (Башк.)

Х 20

Редакционная коллегия:

Х. Гиляжев, Н. Наджми,
Г. Рамазанов, А. Харисов,
Г. Хусаинов.

Перевод с башкирского

АЛЕКСАНДРА ПРОКОФЬЕВА

и

АНАТОЛИЯ ЧЕПУРОВА

Составитель Назар Наджми

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ДРУГЕ

Недалеко от нашего аула есть небольшой родник. Он, бурно вскипая, пробивается из-под камней и, пройдя несколько метров, тут же впадает в Белую — его жизненный путь очень короткий. Но если даже один раз попьешь воды из этого родника, вкус остается на всю жизнь...

Творческий путь поэта Малиха Хариса был коротким, как путь того родника.

Меня с Малихом Харисом свела Ак-Идель, вернее — звонкие мелодии тальянки над рекой.

Корма белого пассажирского парохода была полным-полна студентами. Это и не удивительно, потому что до начала учебы в техникумах и институтах оставались уже считанные дни. Каждый из них был тут по-своему занят. Одни увлеченно читали книги, другие играли в карты, кто-то безуспешно пытался достать со дна бутылки топленое масло, чтобы намазать кусок хлеба; некоторые с заискивающей улыбкой подходили к девушкам и заводили знакомство. В стороне

от них всех веселила гармонь... Словом, у каждого свое дело, и этот гармонист также занят только своей игрой: нисколько не обращая внимание на то, слушают ли его или совсем не слушают, — он беззаботно переходит с одного напева на другой...

Эту картину на корме парохода я как-то невольно вспомнил на другой же день, когда шел по коридору общежития пединститута. Стою я возле большого окна и шумно, весело разговариваю с друзьями, с которыми не виделся целое лето, и тут подходит незнакомый парень с мелкими рябинками на лице и обращается прямо ко мне:

— Может быть, вы поиграли бы на гармошке.

— Гармонь? Что за гармонь?

— Ну, та гармонь, на которой играли на пароходе.

Уж очень мне понравилась ваша игра!

Мне стало как-то неудобно. Играл я, в сущности, очень неважно. С детских лет, после того, как старшие братья продали нашу гармонь, мне не приходилось так часто играть. А моя вчерашняя игра, очевидно, тронула только одного его.

— Вы не на первый ли курс? — спросил я, чтобы перевести разговор на другую тему.

— Нет, на третий.

— На третий? — удивился я, потому что мы всех студентов филологического факультета знали в лицо.

— Вы что, работали в школе?

— Нет.

— Болели?

— Да нет... Другие были причины...

Он больше ничего не сказал. Через несколько дней мне стало известно и то, что скрывалось под «другими причинами», и то, что этот парень — поэт, зовут его Малих Харис. Однако вначале я не придавал особого значения этому имени, потому что старшие поэты были мне знакомы, а уж себе подобных я знал хорошо. К тому же в ту пору, после появления нескольких стихотворений на страницах газет и журналов, как и многие мои сверстники, считал себя по меньшей мере известным поэтом. Оттого и на поэта по имени Малих Харис, по-видимому, смотрел как-то свысока.

В ту пору хоть и были мы «законченными», «известными», однако у многих из нас стихи пестрели шаблонами, вроде: «Родина моя расцветает», «широка моя родная земля», «страна наша—цветущий сад» и т. п. Вот однажды как-то и Малих Харис прочитал мне одно свое стихотворение. Читал он тихо. Нам, привыкшим читать свои стихи громко и сопровождать чтение стремительными взмахами, все это было непривычно и удивительно. Он, кажется, и не читает, а душевно разговаривает с тобой. С этого момента и его голос, и его слова неотступно звучали в моих ушах. Впоследствии это стихотворение крепко запомнилось мне, и я, когда уединялся, очень часто невольно повторял:

Он любим в моей Отчизне,
Я навек в него влюблен,

Потому что цветом жизни
На земле он утвержден.

Помнится, в 1939 году он не написал ни одного стихотворения. Да это и не удивительно, после несправедливостей того периода (оказывается, в 1937 году он был репрессирован), поэт не сразу мог сосредоточиться, не сразу мог войти в колею. Но я все настойчивее стал просить, чтобы он читал мне свои прежние стихи.

Мы с Малихом земляки. Он родился в 1915 году в Чекмагушевском районе, но вырос и возмужал в Илишевском районе, на берегу Ак-Идели. Для тех, кто вырос на ее берегах, Ак-Идель особенно прелестна своими цветущими долинами и плавающими, как лебеди, пароходами. И Малих очень любил свою реку. Мне казалось тогда, что о земле родной и об Ак-Идели никто лучше его не пишет.

Каждый раз, когда я читал его стихотворение «К Идели», мне вспоминался тот день, когда мы с ним вместе ехали на пароходе, будучи еще незнакомыми друг с другом, звенели в ушах мелодии тальянки.

Я пришел к тебе, Идель родная,
Здесь я вырос, песни полюбил.
И отсюда путь свой начиная,
Говор волн твоих не позабыл.

И наконец, в начале 1940 года в дни зимних каникул Малих Харис написал свое знаменитое стихотворение «Молодость». Создание такого стихотворения

после трагических переживаний и трехгодичного молчания было своеобразным творческим торжеством.

В этом стихотворении он уже предстал перед людьми оформившимся нежным лирическим поэтом Малихом Харисом, в сущности он как поэт родился заново. Мы, хотя в ту пору были очень молодыми, но склонны были к сладким жалобам, вроде «прошла уж моя молодость», может, потому-то это стихотворение Малиха и осталось в сердце прекрасным, как сама молодость. В этой песне Харис встает перед нами во всей полноте своей нежной души, своего характера, со своим сердцебиением:

Не заметил, как явилась
Ты, светла и хороша.
Только знаю, что влюбилась
Сразу в молодость душа.

Малиха Хариса, если дозволено такое сравнение, я бы назвал букетом стихов, родником стихов, жемчужиной поэзии. В его каждом дыхании, каждом взгляде, в каждом движении рук, мне кажется, была сама поэзия. Он никогда не писал свои стихи на бумаге. В комнате, где он жил, иногда я видел его в странных позах: он лежал на своей кровати, спрятав голову между двумя подушками. Нет, не спал он, а так именно писал. А если смотреть на него, на спящего, казалось, что он все равно продолжает сочинять стихи. Видели мы в его руках карандаш лишь тогда, когда мы втроем — он,

Мустай Карим и автор этих строк — переводили отрывки из поэмы Навои «Фархад и Ширин» или когда он переводил «Беглеца» и «Смерть поэта» Лермонтова. Может, и оттого, что я запоминал его стихотворения еще задолго до опубликования их в печати, я как-то и не читал его напечатанные на страницах газет и журналов произведения. Я привык слушать стихи всегда из его уст, и поэтому Малих Харис был для меня живой поэтической книгой.

Такие его стихи, как «Молодость», «К морю», «Руставели», «В родном ауле», «Песнь о матери», ставшие лучшими образцами нашей поэзии, были написаны Малихом Харисом в 1940 году. Стихотворение «Руставели» появилось после поездки нашей «четверки» (Малих Харис, Катиба Киньябулатова, Фаузия Рахимгулова и автор этих строк) на Кавказ. В те времена Кавказ для нас казался каким-то волшебным краем, поэтической мечтой, и то, что мы увидели его своими глазами и плавали на морских теплоходах по Черному морю, обогатило наши представления, наши юношеские мечты. Все мы создали свои кавказские циклы стихов, однако я, прочитав написанное Малихом, отказался от мысли публиковать свои стихи. Малих Харис был тогда, оказывается, куда более проницательным и наблюдательным поэтом! Как вдохновенно звучит, например, «Руставели»:

Все вокруг цветами блещет,
Величаво волны плещут,

Говорят о славе вещей:
Руставели! Руставели!

Когда мы шныряли с блокнотом в руках по сухумскому ботаническому саду, с детским любопытством записывая латинские названия деревьев, он, оказывается, среди этих же деревьев искал стихи. Мы почти не выходили из объятий морских волн, а он, загорая на берегу, неподалеку от нас, устремив свои взоры к морским далям, размышлял о вечности красоты и борьбы и привез с собой, например, такие чудесные строки:

Мне твои звучали струны,
Звоны волн твоих живых.
Словно песня голубая,
В думах навсегда моих
Звоны волн твоих живых.

Разумеется, написал Малих Харис свой кавказский цикл после возвращения домой. И эти стихи сразу же приобрели огромную популярность среди поэтов, стали чудесными образцами нашей лирической поэзии, можно сказать, образцами, непревзойденными и поныне. Эти стихи своей интонацией, своей образностью все больше и больше покоряли меня как молодого поэта. Едва ли будет преувеличением, если скажу, что я именно через стихи Малиха Хариса познал тайны настоящей поэзии.

Да, поэт же Харис, поэт! Его песня невольно проникает в самое сердце и не угнетает твою душу, твоих

чувств, как это бывает при чтении плохих стихов. Наверное, не каждому суждено родиться с таким талантом. А Малих Харис, бесспорно, был талантлив. Даже те немногие стихи, написанные им в течение двух лет перед войной, ставят его в ряды самых лучших поэтов.

Меня призвали в армию в первый месяц войны, а Малиху еще не было повестки. Мы, призванные солдаты, на вокзал шли в строю, и Малих, провожая меня, шел со мной рядом, и мы попрощались... Спустя немного времени я узнал, что и Малиха призвали в солдаты, и он учится на курсах по боевой подготовке где-то возле Оренбурга. И все же я встретил его в 1942 году.

Мне посчастливилось неожиданно проехать через Уфу по делам своей службы и тут так же неожиданно узнал, что Малих Харис учится в Уфе на курсах «Выстрел». Я нашел его в столовой для курсантов после поисков по городу. Все его товарищи уже успели пообедать, а он почему-то отстал от них и теперь торопливо доедал свою солдатскую кашу. Я незаметно для него подошел к столу и так же незаметно сел рядом с ним.

Увидев меня, он как-то вздрогнул и остался в растерянности. За какие-нибудь три-четыре минуты мы успели обменяться вестями. И тут кто-то крикнул: «Харисов, к выходу!» Он торопливо продолжал есть... Торопился солдат-поэт в поношенном обмундирова-

нии, в обмотках, весь покрасневший, вспотевший... Мы вышли на улицу, мне особенно запомнились его слова: «Суждено ли нам остаться в живых...» Он не успел и закурить, как его командир окликнул: «Сколько еще можно ждать вас, Харисов?!» Он пожал мне руку и побежал в строй. Как только он встал в строй, колонна тронулась вниз по улице Коммунистической. Находясь в строю, Малих еще несколько раз оборачивался в мою сторону, на прощанье помахивая рукой. Больше нам не суждено было встретиться... А на фронте, уже в 1944 году, когда шли бои на польской земле, до меня дошла печальная весть о его гибели. Минуты последней нашей встречи все еще перед моими глазами, и мне чудится, что он все еще солдат и с оружием в руках идет в строю...

В 1945 году Башкирское книжное издательство выпустило книгу его лирических стихов. Однако, как я уже сказал выше, Малих Харис не имел привычки записывать свои стихи на бумагу. Все его стихи, не только стихи, но и его поэма, созданная им в 1941 году, были в его памяти. Таким образом, Малих Харис унес с собой не только свои ненаписанные стихи, но и свои «написанные» произведения.

Русский читатель будет судить о лирике Малиха Хариса по переводам талантливых русских поэтов Александра Прокофьева и Анатолия Чепурова.

Малих Харис остался в нашей памяти большим поэтом-лириком, горячим певцом-воином, творчество

которого пронизано дыханием военных лет. Мне хочется особенно выделить лишь одно его стихотворение того периода:

Словно кровь бойца на поле боя
Алая заря вдали видна.
Тает черный дым над головою.
Кончилась атака. Тишина.

Но заря не льется над джигитом,
Он, в уральском выросший краю,
На холме, снарядами изрытом,
Обнял землю, словно мать свою.

Ничему уже теперь не внемля,
На виду у боевых друзей
Он как бы целует эту землю,
Не желая разлучиться с ней.

Мой последний час таким да будет!
Вечно помня павших на войне,
Пусть меня Отчизна не забудет
Вместе с ними вспомнит обо мне.

Малих Харис... Поэт и друг, разве возможно позабыть тебя, человека, который прожил короткую, но изумительно красивую жизнь.

Н а з а р   Н а д ж м и

ЗЕМЛЕ РОДНОЙ

На твоих, земля моя, просторах
Расцветает молодость моя.
Широки раздолья, на которых
Песню вольно запеваю я.

Мы тебя взлелеяли, родная,
Мы тебя взрастили, словно сад.
Как на солнце, что горит, сияя,
Всюду люди на тебя глядят.

В славе непоборной и крылатой
Все победы ты взяла в бою.
Но еще не сгинул враг проклятый,
Тьма кидает ненависть свою.

Не дадим подняться тучам темным,
Светлых зорь твоих не отдадим.
Нашей жизнью, кровью неумемной
Мы тебя и славу оградим.

1936

Вся страна моя родная
Ввысь знамена подняла,
И от края и до края
Алым цветом расцвела.

Он любим в моей отчизне,
Я навек в него влюблен,
Потому что цветом жизни
На земле он утвержден.

Глянь, как звезды рассыпая,
Ярко блещут небеса,
В золотых лучах купая
Горы, нивы и леса.

Больше всех люблю на свете
Наши звезды, пламень их.
Жизнь моя и день мой светел,
Как сиянье звезд родных.

И тебя люблю, не скрою,
Потому ты мне мила,
Что душа моя с тобою,
Как и ты сама, светла.

Вся страна моя родная
Ввысь знамена подняла,
И от края и до края
Алым цветом расцвела.

1937

А. С. ПУШКИНУ

Всего превыше ты любил свободу,
И величавых, гордых дум полет
Унизить не могли ни враг, ни годы —
Огонь твоей поэзии живет.

Ты пел, поэт, как море разливаясь,
В волнении вскипая, как прибой.
То становился тихим, восхищаясь
По-юношески женской красотой.

То вдруг воспламенялся, вновь кидая
Свой гнев в лицо тиранов и царей.
И в песнях тосковал, не забывая
О милой, дальней Африке своей.

Ты понимал людскую боль и стоны
Родной земли, что Русью величал,
И голос диким рабством угнетенных
В твоих стихотворениях звучал.

Когда в глубинах горестной Сибири
Кандальным звоном оглашалась даль,
Твои друзья твоей внимали лире
И забывали про свою печаль.

Ты никогда со злом не мог смириться,
И разразилась над тобой гроза.
Холодный коронованный убийца
Все рассчитал. И тьмой полны глаза.

Но песнь твоя всегда жила в народе,
И он донес ее до наших дней,
Сберег ее, как при плохой погоде
Хранят цветы от снега и дождей.

К свободе призывая человека,
Твой голос в поколениях живет.
Венок любви, сплетая век от века,
Легенды сложит о тебе народ.

1937

К ИДЕЛИ *

Я пришел к тебе, Идель родная,
Здесь я вырос, песни полюбил,

---

* Река Белая.

**И отсюда путь свой начиная,
Говор волн твоих не позабыл.**

**Слышал я, как тяжело дышалось
В год иной тебе, моя река.
Но бурлила и вскипала ярость
Так, что не вмещалась в берега.**

**Здесь родился гордый сын Юлая,
Здесь не стынет Салавата прах.
Видела ты Фрунзе и Чапая,
И светлы их тени на волнах.**

**Память о героях сохраняя,
Ты течешь, блистая красотой.
Я пришел к тебе, Идель родная,
И не налюбуюсь я тобой.**

**Обгоняя весело друг друга,
Волны голубеют и кипят,
Чайки плачут, носятся по кругу,
Высмотреть сорожек норовят.**

**Обдавая запахом душистым,
Плещет золотая ширь полей,
И в ее напеве голосистом —
Труд твоих счастливых сыновей.**

Вдалеке лесной зеленый пояс
Вот сейчас порвется пополам:
Это, громыхая, скорый поезд
Подступает к вековым дубам.

Как безбрежны вы, края родные,
Сколько нежных звуков на заре,
А какие ночи молодые
В лунном с голубинкой серебре!

Да и чья душа не окрылится,
Восхищаясь этой красотой!
Все поет в ней — стоит возвратиться
Из иных краев к себе домой.

Я к тебе, Идель, вернулся снова,
На твоих я вырос берегах.
Ты мое воспламеняешь слово,
Ты клопочешь в песнях и стихах.

1937

В РОДНОМ СЕЛЕ

Средь полей мое село родное,
Перед каждым домом зелен сад.

**И воспоминания волною
В глуби сердца у меня кипят.**

**Кажется, что голос детства звонко
Все еще стремится на простор,
И мечты мальчишки-пастушонка
Мне близки, понятны до сих пор.**

**Детство, детство! Далеко-далече
Те, как дым, растаявшие дни.
Но глаза закрою — и навстречу
Через вешний сад бегут они.**

**Все казалось сказочным в ту пору:
Колыханье золотых полей,
Зори, камышевые озера,
Летние костры среди ночей.**

**Небо, словно книга голубая,
Звезды, будто строки, горячи.
И сейчас в мои стихи, играя,
Льются эти звездные лучи.**

**Я любил глядеть на сосны-струны,
Что вот-вот коснутся облаков.
Не однажды пыль, шагая, сдунул
С придорожных маленьких цветов.**

Детство, детство! Далеко-далече
Те, как дым, растаявшие дни.
Но глаза закрою — и навстречу
Через вешний сад бегут они.

Лишь минута пролетит —
А слышу
Жарких гумен шум и гам живой.
Это — труд и песня,
Это пышет
Молодости пламень вихревой.

Ощущаю новых дум рожденье,
Снова сердце, полное тепла,
Бьется в поэтическом волнении,
Словно беркут, размахнув крыла.

Вам привет,
Друзья мои, подруги,
Край родной,
Земля моя в цвету.
Я к тебе протягиваю руки,
Дай словам огонь и чистоту.

Песне дай цветов и зорь дыханье,
Шум лесов зеленых, ширь полей,
Освежи ее росой ранней
И людскою радостью согрей.

1940

Не заметил, как явилась
Ты, светла и хороша.
Только знаю, что влюбилась
Сразу в молодость душа.

Иль в груди моей отверстой
Ты веснянкой стать могла?
Иль влетела птицей в сердце,
Певчей птицей в нем была?

Иль была весной цветущей,
Что вбежала к нам в луга?
Штормовой волною, бьющей
Разъяренно в берега?

Иль мелодией звучала,
Пела ветром полевым?
Иль сама безумной стала,
Или сам я был таким?

Не заметил, как явилась
Ты, светла и хороша.
Только знаю, что влюбилась
Сразу в молодость душа.

ПРОЩАНИЕ С УФОЙ

Ты прощай, Уфа моя родная,
С голубых сияющих высот,
Словно лебедь, ныне отпускаешь
Ты птенца окрепшего в полет.

Пароход меня увозит дальний,
Катится и в берег бьет волна.
Весело и чуточку печально,
Смутною душа моя полна.

Десять лет прошло, и отмечталось,
Годы не уходят в забвенье:
По гористым улочкам промчалось
Детство босоное мое.

Ты за десять лет похорошела,
Там, где тишью веяло глухой,
Радостно и молодо взлетела
Песня новой жизни над тобой.

Стал и я иным, и сны плохие
Далеко остались позади.
Повстречаю ли края другие —
Ты, как солнце, у меня в груди.

Ты лучисто думы озарила,
Песни мне дала, и я пою,

И любить навеки научила
Родину великую мою.

Никогда тебя я не забуду,
Золотых своих годов и дней,
И слагать в разлуке песни буду,
Как о вешней юности своей.

Маховые в лад стучат колеса,
К палубе летит жемчужный рой.
Заводи твои, Уфа, и плесы —
Все туман окутал голубой.

Пароход меня увозит дальний
К берегам родным, к моей родине.
Весело и чуточку печально,
И сладка минута эта мне.

1940

ПЕСНЬ О МАТЕРИ

Был тогда июньский день чудесен,
В материнский дом вернулся я.
И, напоминая звуки песен,
Листьями шумели тополя.

Крепко мать меня к груди прижала,
Плакала от радости своей.

«По тебе, сыночек, тосковало,
Ныло сердце днем за днем сильней.

Как узнала, что домой собрался,
Сна лишилась, все тебя ждала.
Каждый шаг прохожего казался
Мне твоим в ночной тиши села.

Иль гусей услышу гоготанье,
Иль от ветра музыку ворот —
Ожидаю,
Затаив дыхание:
Вот сейчас сыночек мой войдет!

А потом ждала опять, желая
От души тебе хороших дней.
Ты — моя кровинка дорогая,
Радость жизни, свет моих очей». —

Так мне мать при встрече признавалась,
Речь была напевна и проста,
И в сердечной глубине осталась
Нежность этих слов и теплота.

Помню, в жизни всякое бывало —
В плаче не туманились глаза,

**А от ласки матери упала,
Покатилась по щеке слеза.**

**Ближе матери
Нет никого на свете,
Чистотой
Ее душа полна.
Жизнь ее вся без остатка детям
В радости и горе отдана.**

**Мать!.. Ты знала тяготы и муки,
Нет полей, где б не ступала ты.
Не однажды плакала в разлуке,
Руки опустив от маяты.**

**Грустно-грустно песни напевала,
Увядала прежняя краса.
Поле, голубея, полыхало
Сизыми сережками овса.**

**Из-за нас в твоих глазах любимых
Прежний свет в заботах, в горе гас.
Сеткою морщин неизгладимых
Щеки покрывались из-за нас.**

**Ближе матери
Нет никого на свете,
Чистотой
Ее душа полна.**

Жизнь ее вся без остатка детям
В радости и горе отдана.

Вот ее рассказам
Я внимаю,
Угощаясь золотым чайком.
На душе — весна,
Цветенье мая,
Хоть сейчас и август за окном.

Не спеша ведя повествование,
Мать о жизни
Тихо говорит.
И осенним тронутый дыханьем,
Тополь, крылья развернув, шумит.

1940

Я В ТАКИЕ ВЕЧЕРА ТОСКУЮ

Как хорош,
Как тих сегодня вечер!
Спят спокойно горы и леса,
Им туман спускается на плечи,
Ласковы, раздольны небеса.

И луну я вижу молодую,
Небо в звездных золотых огнях.

**Я в такие вечера тоскую
По тебе в неповторимых днях.**

**Ты тогда встаешь передо мною,
Словно все лучи в тебе сплелись.
Косы твои, падая волною,
Трепетно вокруг стана обвились.**

**Не забыть мне никогда, родная,
Голубой огонь твоих очей,
Голос твой всегда напоминает
Мне в полночной тишине ручей.**

**Слышу я твой легкий шаг,
Сиянье
Вижу снова я в твоих глазах,
Чувствую горячих уст дыханье,
Теплых рук твоих лебяжий взмах.**

**И внезапно снова одиноким
Остаюсь. И нет со мной мечты.
Как звезда перед зарей высокой,
Гаснешь ты, в туман уходишь ты.**

**Лишь луна синеющею высью
Медленно плывет в тиши такой,
И в саду осиновы листья
Шепчут сказки, говорят со мной.**

Я смотрю и вижу голубую
Россыпь звезд вечерних на горах...
Я в такие вечера тоскую
О тебе в неповторимых днях.

1940

К МОРЮ

Вечер. В белых, лебединых
Облаках вершины гор.
Я стою и вижу море,
Вихревой его простор.
В облаках вершины гор.

Чайки плачутся. С волною
Ветры спор свой завели.
Вдалеке, как колыбели,
Закачались корабли.
Ветры спор свой завели.

Море бурное играет,
За волной летит волна.
И с небес спустившись к морю,
В нем купается луна.
За волной летит волна.

**Я пришел с полей широких,
Море, говорю с тобой.
Я люблю простор твой вольный,
С вечностью ведущий бой.
Море, говорю с тобой.**

**Я на твой отрадный берег
Не печаль принес свою
И не с горестным сомнением
Пред тобой сейчас стою.
Не печаль принес свою.**

**И пришел я не за счастьем,
У меня в груди оно,
Гордое, как эти скалы,
Сердце им озарено.
У меня в груди оно.**

**Мне твои звучали струны,
Звоны волн твоих живых.
Словно песня голубая,
В думах навсегда моих
Звоны волн твоих живых.**

1940

(Перед памятником Шота Руставели)

Все вокруг цветами блещет,
Величаво волны плещут,
Говорят о славе вещей:
Руставели, Руставели!

Над скалою туча вьется,
На ветру чинара гнется,
Листьев трепет раздается:
Руставели, Руставели!

Глянь — хоть вечность пролетела —
Ты увидишь Тариэла
Рядом с Автондилом смелым...
Руставели, Руставели!

Я пришел к тебе из края,
Где Урал и даль степная,
Где поет земля родная:
Руставели, Руставели!

Будут мчатся дни и годы,
И под вечным небосводом
Будут повторять народы:
Руставели, Руставели!

1940

Как, земля, ты блещешь красотою?
Я люблю снега по январю,
Осени сверканье золотое,
Летнюю туманную зарю.

Я люблю твоей весны цветенье,
Дни, когда уходят холода.
И хотел бы я цветком весенним
На земле остаться навсегда.

1941

***

Дальний лес. К нему лечу мечтою.
Здесь же золотистые поля.
Жаворонок вьется надо мною,
В песенке его — любовь моя.

Эй, земля раздольная, родная,
Каждый куст тебя благодарит.
Жаворонок, звонко напевая,
Словно я, с тобою говорит.

1941

Вечер. Зорька пламенеет.
Песню я тебе пою:
Спи, малыш, усни скорее,
Баю-баюшки-баю.

Все затихло перед ночью:
Спят на ветках соловьи,
На деревьях не цветочки —
Белых бабочек рои.

Тихий вешний ветер веет,
Шепчет песенку свою:
Спи, малыш, усни скорее,
Баю-баюшки-баю.

В речке рыбка золотая
В камышах спокойно спит,
В небе звездочка, мигая,
На нее светло глядит.

Ветер спит, и ветер веет,
Гонит легкую струю.
Спи, малыш, усни скорее,
Баю-баюшки-баю.

На родном большом просторе,
Может, будешь славным ты —

Или в поле, или в море,
Иль у звездной высоты.

Нету Родины светлее,
Все цветет в твоём краю.
Спи, малыш, усни скорее,
Баю-баюшки-баю.

Жизнь, как море, бесконечна,
Все отдать старайся ей.
Где б ты ни был — будь навечно
Верным Родине своей.

Вечер. Зорька пламенеет.
Песню я тебе пою:
Спи, малыш, усни скорее,
Баю-баюшки-баю.

1941

МАЛЬЧИКУ

Школа дверь тебе открыла,
Ты ступаешь на порог,
Мой цветок зеленокрылый,
В каплях дождика цветок,

Ты пришел сегодня в школу,
И на много, много дней
Здесь хороших и веселых
Ты найдешь себе друзей.

На полях стерня белеет,
И везде туман висит.
Осень близится, и с нею
Дождь идет сквозь сотни сит.

А на сердце столько света,
Словно солнце в этот час
Вам дарит лучи привета
И горит, горит для вас.

Школа дверь тебе открыла,
Ты ступаешь на порог,
Мой цветок зеленокрылый,
В каплях дождика цветок.

1941

КРОВЬ — ЗА КРОВЬ, СМЕРТЬ — ЗА СМЕРТЬ!

Туча, яро с Запада нависнув,
Тьму грозила кинуть из жерла.
Мы ее видали, зубы стиснув,
Ненависть в сердцах у нас была.

Час настал. И развевая знамя,
Родина зовет сынов к борьбе.
Ты, страна могучая, за нами,
Вздох последний я отдам тебе.

Смерть врагам! — страна сказала грозно.
Не сломить народ наш, не согнуть.
Вихрь зловещий не погасит звезды,
Море вспять не сможет повернуть!

Гнев в груди горит. У всех народов
Клич один сейчас летит: «Не сметь!»
«За Отчизну, честь ее, свободу!
Кровь — за кровь, — гремит, — и смерть —
за смерть!»

1941

ДОЧЬ РОДИНЫ

Зое Космодемьянской

Спит глубоким, вечным сном она.
На могилу смотрит отчий край.
Песня лебединая слышна:
«Вспоминай меня. Прощай, прощай...»

Нет, народу позабыть невмочь
Пепел, кровь, что пролита в бою.
Помнит он, как ты, свободы дочь,
Шла на смерть за Родину свою.

И когда терзали палачи,
Уходила жизнь в небытие —
Думы об Отчизне, как лучи,
Шли тогда в бессмертие твое.

Ты — в своем народе,
Вечно с ним,
Ты, как жизнь, любима, молода.
Ты бессмертна. Именем твоим
Родина великая горда.

В ней — твое дыханье, дум полет,
Сердце, песни вольные твои.
Имя светлое твое живет
И ведет в грядущие бои.

1942

ПИСЬМО

Знаю, мама, как тебе печально,
Каждый день твой, каждый час тяжел.

Ты тоскуешь у дороги дальней,
По которой я на фронт ушел.

На твоём лице густы морщинки.
Много их. И недругов губя,
Вот и нынче в смертном поединке
Я сражался, мать, и за тебя.

И опять грохочет канонада,
Снова бой за наш родимый край.
Если упаду — то слез не надо,
Только тихо-тихо вспоминай:

«Он любил Отчизну в блеске алом,
Славою и честью дорожил,
Он погиб, чтоб жизнь не умирала,
Не напрасно голову сложил».

1943

БАЛЛАДА О БАТЫРЕ

Он упал...
А в сердце пламенела
Огненная ненависть к врагам.
Встать хотел — не подчинялось тело,
Будто груз привязан был к ногам.

Словно к заревой росе пристыли
Жаркие, сухие губы так,
Что он оторваться был не в силе
От земли,

катыщейся во мрак.

Он не слышал, как друзья-солдаты
Ринулись с победой на простор,
Как произносили автоматы
В том бою фашистам приговор.

Он и сам батыром был отважным,
Вот он как сражался, погляди:
И трава черна, и трупы вражьи
Стынут перед ним и позади.

Кажется,

земля не хочет этих
Извергов фашистских принимать.
А батыру — слава!

Зверя встретив,
Он сумел ему хребет сломать.

Он упал. Лежал, охвачен болью,
Стонущий, израненный солдат.
Ветер, принося прохладу с поля,
Рвал тумана утреннего плат.

Он лежал, батыр. А тучи круто
Свешивались с неба до земли.
После боя протекли минуты,
Но казалось,
Что века прошли.

Вспоминал он прожитые годы,
Отчий дом. Прощальный слышал крик:.
Шел на смерть старик белобородый,
Потому что русским был старик.

Окропила камни кровь невинных,
Призывая к мести наш народ
В деревнях сожженных, на равнинах;
Что б ни стало — путь один: вперед!

И солдат, осилив боль раненья,
Шевельнулся, и раскрылись вдруг
Слипшиеся веки в то мгновенье,
Словно беркут, он взглянул вокруг.

Побежал по жилам пламень жгучий,
В сердце закипел огонь живой.
Встал он над землей, как дуб могучий,
Как бесстрашный сказочный герой.

И пошел вперед он
За Россию,

За свободу Родины и честь.
Все поля, все травы голосили,
И в ушах одно звучало: месть!

Кровью истекая,
Но шагая,
Он зарю, казалось, нес во мгле.
Так любовь рождается большая,
Жизнь, победа, слава на земле.

1943

ПУСТЬ РОДИНА НЕ ЗАБЫВАЕТ МЕНЯ...

Словно кровь бойца на поле боя,
Алая заря вдали видна.
Тает черный дым над головою.
Кончилась атака. Тишина.

Но заря не льется над джигитом,
Он, в уральском выросший краю,
На холме, снарядами изрытом,
Обнял землю, словно мать свою.

Ничему уже теперь не внемля,
На виду у боевых друзей

**Он как бы целует эту землю,
Не желая разлучиться с ней.**

**Мой последний час таким да будет!
Вечно помня павших на войне,
Пусть меня Отчизна не забудет,
Вместе с ними вспомнит обо мне.**

1943

Содержание

Несколько слов о друге. <i>На- зар Наджми</i>	3
Земле родной	13
Я люблю	14
А. С. Пушкину	15
К Идели	16
В родном селе	18
Молодость	21
Прощание с Уфой	22
Песнь о матери	23
Я в такие вечера тоскую	26
К морю	28
Руставели	30
Весенние цветы	31
«Дальний лес. К нему лечу...»	31
Колыбельная песня	32
Мальчику	33
Кровь — за кровь, смерть — за смерть!	34

Дочь Родины	35
Письмо	36
Баллада о батыре	37
Пусть Родина не забывает меня...	40

Малих Харис

(Харисов Малих Харисович)

**ИЗБРАННАЯ
ЛИРИКА**

(„Б-чка башкирской поэзии“)

Редактор

В. А. Трубицын

Художественный редактор

В. Д. Дианов

Художник-оформитель

Р. Г. Гумеров

Технический редактор

Ф. Г. Гайфуллин

Корректор

Н. А. Брагина

Сдано в набор 13/VI 1967 г.
Подписано к печати 6/IX 1967 г.
Формат 60х90^{1/32}. Физ. печ. л.
1,5. Условн. печ. л. 1,5. Уч.-
изд. л. 1,22. Тираж 50 000 экз.
П04282. Изд. № 100. Заказ №
555. Бумага литографская.
Цена 13 коп.

Башкирское книжное
издательство
Управления по печати при
Совете Министров БАССР,
г. Уфа, улица Советская, 18.

Уфимский полиграфкомбинат
Управления по печати при
Совете Министров БАССР,
г. Уфа, проспект Октября, 2.

Новые книги

Башкирское книжное издательство выпустило в 1967 году следующие новые книги на русском языке:

Иван Недолин

ПЕРЕВАЛ. Повесть.
Стр. 256. Тираж
100 000. Цена 52 коп.
Предисловие Гилемда-
ра Рамазанова.

Кирей Мэргэн

ДОМ С НЕВЕСТОЙ.

Рассказы. Авторизованный перевод с башкирского. Стр. 264. Тираж 30 000. Цена 40 коп.

Василий Трубицын

ИЗ СЕМИ КНИГ.
Стихи. Поэма. Вольные переводы. Под редакцией Сергея Наровчатова. Предисловие Бориса Четверикова. Стр. 256. Тираж 5000. Цена 84 коп.

Шакир Насыров

ПЕРЕД СВАДЬБОЙ.
Рассказы. Авторизованный перевод с башкирского. Стр. 144. Тираж 30 000. Цена 18 коп.

Михаил Воловик

БАСНОСЛОВНО.
Басни. Предисловие Им. Левина. Стр. 128. Тираж 10 000. Цена 55 коп.

Эти книги можно
приобрести во всех
магазинах книготор-
га, потребкооперации,
киосках Союзпечати,
а также через почту
по адресу:

*г. Уфа, 55,
пр. Октября, 129,
Дом книги, отдел
„Книга—почтой“.*

Цена 13 коп.

УФА • 1967